Лермонтов М. Ю.

Неделя, 1983, дек., № 49

Гипотезы, предположения, версии

КОГО НАРИСОВАЛ ЛЕРМОНТОВ?

Сергей ЧЕКАЛИН

Природа наделила М. Ю. Лермонтова не только поэтическим талантом, но и незаурядными способностями художника. Он любил рисовать с детства. До нас дошли его чудесные акварельные портреты, живописные масляные полотна с видами Кавказа, многочисленные зарисовки тушью и карандашом на полях рукописей, в юнкерских тетрадях, походных альбомах. Среди них профили женских головок, военные на скачущих лошадях, жанровые и батальные сцены, излюбленные «очерки» коней и «резких физиогномий», шаржи и карикатуры.

«Вообще, сколько помню,— пишет товарищ поэта по юнкерской школе Николай Манвелов,— рисунки Лермонтова отличались замечательной бойкостью и уверенностью карандаша, которым он с одинаковым талантом воспроизводил как отдельные фигуры, так и целые группы из многочисленных фигур в различных положениях и движениях, полных жизни и правды». Лермонтов любил делать бытовые зарисовки. Его знакомая по Пятигорску Э. А. Верзилина вспоминает, как он рисовал местных жителей: карикатуру с Александры Чаловой (служившей у него прачкой), погоняющей волов, и старухи, ее матери, прикладывающейся к стаканчику «родительской». Михаил Юрьевич, показывая им эти листки, спрашивал, «узнают ли они себя?». Нет сомнения, что глаз художника во многом помогал Лермонтову — поэту и прозаику. Беглые зарисовки были своего рода дневниковыми записями.

Часть лермонтовских рисунков сохранилась и дошла до нас в альбомах его московской приятельницы А. М. Верещагиной. С Верещагиной Лермонтова связывали самые теплые, дружеские отношения. Она была старше Лермонтова четырьмя годами, умна, образованна и, рано угадав в нем талант, стала своего рода наставницей поэта. Лермонтов не порывал с ней дружеских связей и тогда, когда Верещагина, выйдя замуж за немецкого дипломата фон Хюгеля, уехала за границу. Через своих родственников она получала от Лермонтова новые стихи, рисунки, автографы.

Но, к сожалению, многие из лермонтовских рисунков до сих пор остаются нерасшифрованными. Постараемся раскрыть некоторые из них. Перед нами — два рисунка Лермонтова из верещагинских альбомов, ныне хранящихся за границей. Рисунки представляют собой шаржи на общих знакомых Верещагиной и Лермонтова.

На одном из них, выполненном в карандаше и озаглавленном «Адоратор», что значит «обожатель», «поклонник», изображена группа. В центре — мужчина в высокой шляпе и широкой накидке с поднятым меховым воротником. Бесцеремонно разглядывая в лорнет пожилого, почти лысого человека в очках с большим животом и очень короткими ножками, он восклицает по-французски: «Такого я еще никогда не видел». Очевидно, речь идет о поклонниках хозяйки альбома. Кто же изображен на этом рисунке?

Можно предположить в высоком человеке с лорнетом отставного штабс-капитана Александра Ильича Алексеева (1800—1833), проживавшего в то время в Москве, о котором Ф. Ф. Вигель писал в воспоминаниях: «Его стройный стан, его ловкость, его смелое обхождение с дамами и девицами... пленяли их», а в маленьком, шутливо улыбающемся человеке — Петра Васильевича Сушкова (1783—1855), с сыном которого Лермонтов учился в Московском университетском пансионе, а с дочерью, Е. Ростопчиной, ставшей известной поэтессой, подружился позднее в Петербурге. На эту гипотезу наводят следующие строки из «Записок» Екатерины Сушковой, общей знакомой Лермонтова и Верещагиной, относящиеся к 1830 году:

«В Москве я свела знакомство, а вскоре и дружбу с Сашенькой Верещагиной. Мы жили рядом на Молчановке и почти с первой встречи сделались неразлучны; на водах, на гулянье, в театре, на вечерах, везде и всегда вместе. Александр Алексеев ухаживал за нею, а брат его Николай за мною, и мы шутя называли друг друга «belle sœur».

Меня охотно к ней отпускали, но не для моего удовольствия, а по расчету: ее хотели выдать замуж за одного из моих дядей — вдовца, с тремя почти взрослыми детьми, и всякий раз, отпуская меня к ней, приказывали и просили расхваливать дядю и намекать ей о его любви.

Он для своих лет был еще хорош собой, любезен по-своему, то есть шутник (чего я никогда не терпела ни в ком) и всячески старался пленить Сашеньку, слывшую богатой невестой; но обе мы трунили над стариком, как говорится, водили его за нос, обе мы давали ему несбыточные надежды на успех, она из кокетства, а я из опасения, чтоб меня не разлучили с ней, и мы сообща все проволочки, все сомнения, все замедления сваливали на бессловесную старушку, мать ее».

Таким образом, рисунок можно отнести к московскому периоду жизни поэта 1830—1832 гг. По своей тематике он перекликается со стихотворением Лермонтова «Булевар» (1830 год), содержащим сатирические портреты завсегдатаев Тверского бульвара, в том числе и предприимчивых московских женихов. Стихотворение «Булевар» заканчивается припиской «Продолжение впредь». Возможно, таким продолжением и явился этот рисунок Лермонтова.

Второй акварельный рисунок — из альбома Верещагиной, куда попала часть лермонтовских рисунков от ее кузины Вареньки Лопухиной, в которую был влюблен Лермонтов (из-за ревности мужа В. Лопухина вынуждена была передать лермонтовские реликвии на хранение своей родственнице). Листок с акварелью вклеен в альбом. Но его мог прислать и сам Лермонтов. Поэтому принадлежность рисунка Верещагиной или Лопухиной трудно установить.

На этом рисунке мы видим жанровую сцену. В центре ее изображен сидящий за клавикордами старик в очках, темно-зеленой феске и халате. В его руках раскрытая книга с надписью «tic douloureux», означающей «нервное подергивание лица». Стоящий возле клавикордов молодой офицер держит, очевидно, нотную тетрадь с надписью по-французски: «невозмутимость», что может быть истолковано как поведение данного персонажа или название романса, который он собирается петь. Справа с почтительным поклоном подходит изящный господин с афишкой в руке «Concert de Gracy» («Концерт Грасси»).

Были попытки по-разному трактовать эту сцену, исходя из приписываемой старику роли «ростовщика» или «учителя пения». Но обратимся к мемуарам М. Д. Бутурлина, дальнего родственника мужа Вареньки Лопухиной Н. Ф. Бахметева. Описывая быт и нравы тогдашнего московского общества, он вспоминает о благотворительных концертах, которые устраивались иногда в зале Дворянского собрания из «московских дилетантов обоего пола». В этих концертах участвовали и многие из знакомых Лермонтова, в том числе Боборыкин и обе дочери князя А. П. Оболенского. Оркестр приглашался из Большого театра. Среди замечательных артистов театрального оркестра, участников этих концертов, Бутурлин называет г. Грасси—первую скрипку, а также несколько виолончелистов. Кстати, в альбоме Верещагиной наряду с лермонтовским рисунком, где упоминается Грасси, есть рисунок виолончелиста, приписываемый Е. Львовой.

Можно предположить, что акварельная зарисовка Лермонтова изображает сцену в одном из частных московских домов, где обсуждается программа одного из таких благотворительных концертов и репетируются отдельные сольные номера. Но где это происходит и кто этот человек в халате и феске, вокруг которого группируется вся сцена? Вернемся опять к мемуарам Бутурлина.

Из московских домов, которые «более прочих открыто жили тогда», в мемуарах упоминается дом Базилевских на Тверском бульваре. Базилевские дружили с Бахметевыми, впоследствии эти семьи породнились (дочь Вареньки Ольга Бахметева стала в замужестве Базилевской). Бывал в доме Базилевских и Лермонтов. Это подтверждается из другого мемуарного источника, воспоминаний В. И. Анненковой, где она сообщает, что встречалась с Лермонтовым-офицером в Москве на балу у Базилевских.

У Петра Андреевича Базилевского, хозяина дома, «была довольно замечательная коллекция произведений новейших художников, им когда-то собранная за границей,— пишет Бутурлин.— Сам Петр Андреевич, вопреки своему камергерскому ключу, шибко напоминал мольерова «Мещанина во дворянстве». Он принимал фешенебельную публику по утрам в женином кабинете и в бархатной зеленой ермолке, шитой серебром. Ермолка эта получила впоследствии некоторую общую известность тем, что во время процедуры над ее хозяином а-ла Шешковский, камердинер нашего камергера, дабы придать себе более важную осанку и отожествиться со своим барином, облекся, как гласила молва, в халат и ермолку своего господина». И далее автор мемуаров поясняет, что «П. А. Базилевский был высечен крепостными его людьми за жестокое с ними обращение (место происшествия было в деревенской глуши одного из его имений), после чего они же взяли (как тогда рассказывали) с него подписку, что он действительно был сечен ими...».

Возможно, лермонтовская акварель изображает сцену в доме Базилевских с участием самого хозяина в «легендарных» халате и ермолке? Вряд ли Лермонтов мог пройти мимо такой колоритной личности, да еще с Тверского бульвара, не отразив ее в своих рисунках-шаржах!

Предлагаемая расшифровка лермонтовских рисунков расширяет наше представление о лицах из московского окружения поэта, но, несомненно, нуждается в дальнейшем обосновании.